

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТИНУВШИЙ
ИРИЕХАМ
ДЭНИЕЛ ХОРН

Дэниел Хорн Сгинувший Ириехам

<https://litres.ru/73819217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сгинувший Ириехам - первое произведение сборника "Чёрная Вуаль".

Это неоднозначная история Коула Мастерсона, молодого наследника крупного предприятия, которому повезло влюбиться. Но он не подозревал, что это возвышенное состояние заставит его выразить чувства в картине и погрузиться в жутчайший из возможных кошмаров.

Содержание

Сгинувший Ириехам	4
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дэниел Хорн Сгинувший Ириехам

Сгинувший Ириехам

Только что отец отбыл по делам во Францию, куда я не горел желанием попасть, да и не попал, потому что искусно сыграл простуженного. Пришлось конечно изображать из себя больного перед прислугой и пить лекарства, но, к счастью - это было «наивысшим злом» в постановке Коула Мастерсона.

Никому ни к чести обманывать главу собственной семьи, особенно родителя, но на то у меня были причины. Я всегда был не в восторге от торговли и её правил, о чём отец бесспорно подозревал, но своего искреннего разочарования никогда бы не выказал - не такого порядка он человек. И всё же, когда-нибудь мы будем вынуждены сойтись в непримиримом споре о моём будущем, и мне страшно было представить, чем он мог закончиться. Я не видел себя достойным наследником всеми уважаемого владельца единственной в штате швейной фабрики Роберта Мастерсона, наладившего поставки несравненного качества тканей для собственного производства и готовых женских туалетов для местных магазинов одежды. Всё сырьё и товары для продажи доставля-

ли пряником из Франции; этим отец поспособствовал росту благосостояния нашей семьи и капиталов вкладчиков, а вкуче с этим уменьшению безработицы, что безмерно радовало губернатора штата. В последний год он стал всё чаще брать меня с собой на фабрику и всячески пытался вызвать во мне интерес к швейному производству, но отец стойко не замечал, или не хотел замечать, главного – я даже не старался учиться основам и тонкостям управления делом всей его жизни. Но больше отцовских уроков я ненавидел его деловые поездки, особенно за границу – долгие, скучные, и они, в прямом смысле слова, отбирали моё драгоценное время бурной молодости. Как же хорошо, что я правдоподобно «занемог», теперь в моём распоряжении было несколько недель для отдыха от постоянного напора Мастерсона старшего.

Благодаря мнимой болезни я вот уже третий день наслаждался свободой, проводя время в основном в кровати за чтением бульварных романов, как совершенно неожиданно домоправительница Эдда известила о прибывших гостях:

- Вас желает видеть миссис Лаура Нотиннес.

- Супруга сэра Нотиннеса? – поинтересовался я с искренним удивлением.

Эдвард Нотиннес был уважаемым человеком, хотя совсем недавно его считали неудачником, который зачем-то продолжал содержать небольшое и почти не приносящее прибыли торговое судно. Шесть лет назад он, благодаря воле случая, стал мелким деловым партнёром моего отца и взял на се-

бя обязанности по перевозке сырья из Франции в Америку, что со временем вылилось в выгодное сотрудничество. Всего через два года мистер Нотиннес смог позволить себе заказать постройку двух крупных грузовых кораблей и тем самым расширить списки поставляемого сырья для моего отца. По этой причине семья Нотиннесов обзавелась внушительным заработком и была всецело обязана этим Роберту Мастерсону.

Я же лично видел мистера Нотиннеса лишь дважды, да и то мельком, пока сопровождал отца в швейном цехе. Мы до сих пор не были даже представлены друг другу, настолько он был занятой человек. Мистер Нотиннес редко бывал не то чтобы дома, а в стране, потому что он постоянно плавал во Францию, чтобы лично контролировать качество товаров, предназначенных для моего отца и нескольких мелких партнёров. Оттого неудивительно, что я не имел чести, как, впрочем, и желания, знать всех членов семейства Нотиннесов.

- Да. Она пришла с дочерью. Такая красавица, и смею предположить - ваша ровесница, ну может на пару годков помладше. Они хотели навестить вас и справиться о вашем здоровье. Пригласить их?

Мне совсем не хотелось принимать гостей, да к тому же их приход носил скорее всего вынужденный характер, так что искренность их побуждений была под большим сомнением. Видимо отец рассказал мистеру Нотиннесу о моей лёгкой болезни, а тот первым же делом направил в своё имение

письмо с наказом для жены и дочери оказать мне визит вежливости. Единственное, что всё-таки заинтриговало и побудило меня принять визитёров - это «красавица-ровесница», а я всегда был не прочь обзавестись подобными знакомствами.

- Да, конечно, пригласите. Только возвращайтесь к ним помедленнее, не могу же я предстать перед ними в таком виде. Эдда, а мисс Нотиннес насколько красива? Она так же хороша, как дочь металлурга Хаубрека Констанция, или...

- Вы как всегда грубы, юный сэръ. Вам бы пора перестать смущать меня такими вопросами. Ваш отец уж точно не одобрит, что я обсуждаю с вами девушек в такой манере... но да, мисс очень прелестная.

Эдда любила читать мне нотации, всё же она строгая домоправительница, которая работала в этом доме задолго до моего рождения, а потому её порой укорительно-воспитательное, но всё же тёплое отношение ко мне, было нашей маленькой дружеской игрой. Хорошо, что Эдда всегда прикрывала меня, ведь кто знал, что бы со мной сотворил отец, узнай он каких порой дел и с чьими дочерьми я наворотил? А что бы он сделал с Эддой за утаивание, и, тем самым, постворствование моим проступкам я боялся даже представить.

- Вы не устанете меня поучать, верно?

- Как я не раз говорила, пока вы не повзрослеете, а вам уже давно пора.

- Знаю-знаю. Эдда, задержите их минут на пять, больше

мне не нужно.

Как только экономка вышла из комнаты, я вскочил с постели и принялся наспех приводить себя в порядок. Мне как «больному» можно было бы не сильно стараться, но раз в дом явилась «красавица», то нельзя было ударить в грязь лицом. Пока я рыскал взглядом по комнате в надежде найти расчёску, меня окликнул кто-то из прислуги:

- Ваша рубашка, сэр.

- Спасибо!

Я взял рубашку и мысленно поблагодарил Эдду, так как был уверен, что чистую одежду принесли по её указу. На скорую руку я умыл лицо и брызнул несколько капель на расчёсанные волосы в попытке пригладить их. Цирюльник из меня выдался никудышный, да и не так-то просто было уложить мои непослушные чёрные кудри, но для якобы больного вышло неплохо. Переодевшись, я вернулся к кровати, для вида подобрал первую попавшуюся из стопки на прикроватном столике книгу и сел в стоящее рядом кресло.

За дверью послышались шаги, гости уже поднимались по лестнице. Мне казалось, что я уж чересчур расфантазировался о красоте девушки, но нежность долетавшего до меня юного голоса ещё больше подстёгивала распалённое воображение. Я не хотел нырять в омут ветреных чувств с головой, иначе можно было неосознанно повести себя неподобающим образом и тогда меня бы точно настигли последствия в виде разгневанного отца. Он не одобрял даже невинных прогулок

с девушками, потому что такие связи, как отец постоянно говорил: «неприменно скажутся на репутации нашей семьи». Фигура Роберта Мастерсона всегда была на виду и слуху у людей, а потому мой интерес к молодым особам, по его мнению, должен был ограничиться только поиском супруги, и никоим образом не относиться к мимолётному увлечению. Я, по меркам незамужних девушек, был завидным женихом, а потому интерес чьих-то дочерей и уж тем более их родителей ко мне был очевиден и не лишён расчётливости, но заявлять то, что я никогда этим не пользовался, было бы откровенной ложью. Так что приближавшаяся к моей двери молодая незнакомка и вправду могла иметь на меня виды совсем уж далёкие от добросовестной заботы или светской вежливости, а я не отрицал возможности, что мог бы воспользоваться этими корыстными видами для собственной улады.

Гости были уже у порога. Выпрямив спину, я открыл книгу и принял вид увлечённого чтением. Через мгновение дверь в комнату открыли, и я услышал, как Эдда пригласила дам пройти внутрь.

Первой вошла миссис Нотиннес. Статная женщина, морщины уже тронули её лицо, на котором ясно вырисовывались черты покорной супруги. Я мог лишь подозревать, но что-то мне подсказывало, что визит вежливости не вызывал у неё ни капли интереса ни ко мне, ни к моему здоровью, а лишь обострял усталость от бесконечных поручений мужа ради деловой и раздражавшей меня «семейной репутации».

Однако моей жизни суждено было перевернуться с ног на голову, едва я увидел прекрасное создание, чей вид заставил трепетать самую мою душу и разум в придачу. Её чистое лицо с правильными чертами украшали пышные губки, голубые глаза и светлые волосы, похожие на золотые нити, которые будто сплели и пересекли с моей судьбой сами Мойры.

- Я рада лично с вами познакомиться, мистер Мастерсон!
- поприветствовала меня миссис Нотиннес. - Мой муж прислал письмо, которое я получила сегодня утром. В нём он сообщил, что ваш отец крайне обеспокоен здоровьем своего единственного сына и желает поскорее вернуться домой, чтобы увидеть вас в добром здравии. Я не посмела пренебречь этими словами, поэтому мы с дочерью решили навестить вас.

«Я не посмела пренебречь этими словами». Как же глупо и фальшиво это прозвучало. Миссис Нотиннес прекрасно понимала, она ничем не могла мне помочь. Всё, что мне было нужно для выздоровления давала Эдда, но вот появление прекрасной девушки действительно могло исцелить меня от тоски. Мне не хотелось как-то обидеть миссис Нотиннес, поэтому я старался не смотреть слишком пристально на её дочь, но как же мне не терпелось с ней познакомиться. Дабы не прерывать разговор молчанием, я хотел поблагодарить женщину за визит, но не успел.

- Позвольте познакомить вас с Лавьен.

Лавьен Нотиннес. Я впервые слышал такое элегантное и

столь подходящее имя для явившегося передо мной ангела. Она мне улыбнулась! Это был всего лишь миг до того, как Лавьен впервые заговорила со мной, но мне казалось, что высшие силы замедлили само время, чтобы я смог подольше насладиться движением её прекрасных губ.

- Рада с вами познакомиться, мистер Мастерсон! Как вы себя чувствуете?

Какой же прекрасный у неё оказался голос. Он – шёлк, ласкавший мой слух. Я бы отдал всё на свете, чтобы до конца своих дней голос Лавьен звучал только для меня. Бесспорно, я влюбился.

- Чувствую себя гораздо лучше, благодарю! Скорее всего уже на днях буду в полном здравии.

Я старался говорить спокойно, не выдавая разгорячённых чувств, но беспорядок в моих мыслях всё же дал о себе знать совершенно неожиданным образом. Мой разум не подкинул идеи лучше, чем пригласить дам за стол, который я не смог бы разделить с Лавьен из-за «болезни».

- Вы не голодны? Может мне приказать подать обед?

- Вы очень заботливы, мистер Мастерсон, но мы отложили ближайшие срочные дела ради вас. Раз вы чувствуете себя много лучше, то нам бы не хотелось больше вас беспокоить. Но я благодарна за вашу заботу и теперь хочу ответить взаимностью. Как только вы окончательно выздоровеете, нашей семье будет приятно, если вы сообщите об этом в письме. Тогда же я вышлю вам ответное письмо с приглашением к

нам на обед или ужин в честь нашего знакомства. Вы же не откажете нам в такой любезности?

Я мог бы сказать, что был в восторге от находчивости этой женщины. Всего за минуту она поставила меня в положение «выбора без выбора», при этом, почти не выдав своего нежелания вообще посещать такого юнца как я, чтобы просто справиться о здоровье. Но я нутром чуял, что стоявшая передо мной миссис Нотиннес желала поскорей получить ответ и наконец отправиться по своим делам. Впрочем, в этом не было ничего плохого, по крайней мере я получил гарантированный билет на новую встречу с девушкой своей мечты.

- Как я могу вам отказать? Я обязательно оповещу вас и конечно же приму приглашение.

Миссис Нотиннес улыбнулась, и на мой взгляд, это была первая искренняя эмоция на её лице. Я решил лаконично подвести итог этому визиту, рассчитывая убедить мать Лавьен в моём нежелании отнимать время у представителей столь делового семейства.

- Позвольте мне вас проводить.

Я хотел было встать с кресла, но тут же был остановлен непонятно отчего взволновавшейся женщиной.

- Нет, нет, прошу вас, не вставайте. – Миссис Нотиннес утерjala всякие признаки высородной стати и всего за мгновение обратилась в простолюдинку, боявшуюся как-то не угодить влиятельному джентльмену. – Вы хоть и хвалите своё самочувствие, но я не прошу себе, если отберу у вас

нужные для выздоровления силы.

- Благодарю вас!

И я остался в кресле, совершенно не понимая, что же так встревожило миссис Нотиннес?

- Эдда, проводите наших гостей.

- Да, сэр.

- Всего доброго, мистер Мастерсон, – попрощалась со мной миссис Нотиннес и покинула комнату.

Потянувшись к столу, я хотел было вернуть книгу обратно в стопку, как вдруг заметил боковым зрением Лавьен, которая будто бы ждала моего внимания. Я повернулся к ней и остолбенел от внезапной мысли, что передо мной сейчас стояла девушка, которой я вот-вот собирался сделать предложение руки и сердца, но отчего-то мне не удавалось даже заговорить с ней. И тут мир застыл в одном мгновении, а мой разум предательски оставил меня, стоило только услышать пожелание ангела:

- Я буду ждать вас в гости. Поправляйтесь поскорее.

Лавьен проследовала за матерью, и я обратил внимание на Эдду, которая улыбалась шире обычного. Домоправительница вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а я так и остался сидеть в кресле без малейшего движения. Всего одной фразой Лавьен обратила моё тело в камень, а душу в густой туман, окутавший мой вдумчивый разум. Впервые в жизни я чувствовал себя настолько необычно. Не знаю, сколько я так просидел, возможно больше десяти минут, но

вырваться из объятий приятных мыслей меня подтолкнули внезапные размышления о причинах «испуга» миссис Ноттинес. Почему женщина, которая не только ни в чём не нуждалась, но и принадлежала семье с безупречной репутацией, так отреагировала на вежливое предложение молодого человека проводить её? Это показалось мне странным, но чутьё настаивало, этот визит вежливости на самом деле был хорошо отрепетированным спектаклем. Но какова была его цель? Единственной причиной, приходившей на ум, был мистер Ноттинес. Неужели он до сих пор настолько зависел от дел моего отца, что был способен так унижительно использовать свою семью ради его расположения? Более того, в вопросе партнёрства между моим отцом и мистером Ноттинесом от меня же не зависело ровным счётом ничего, а значит моё благоволение точно бы ничего не изменило. В конечном итоге я просто выбросил эту мысль из головы, и теперь в ней не осталось ничего кроме грёз о Лавьен, которые заставляли голову идти кругом.

Мне захотелось переодеться и провести, как я уже решил, последний день мнимой болезни в кровати. Но только я встал, как в дверь постучались, и я услышал голос Эдды:

- Юный сэр, могу я войти?

Ох уж этот «юный сэр». Эдда звала меня так с тех пор, с каких я себя помню, и только тогда, когда мы оставались наедине, ведь именно с этого обращения начинались наши личные беседы. Я очень любил Эдду, и был уверен, эти чув-

ства взаимны, потому что я заменил ей ребёнка, которого у неё никогда не было, а она мне – маму. Свою настоящую мать я совсем не знал, единственное что я мог поведать о той женщине - она умерла, подарив мне жизнь и красивое имя с необычным происхождением. Я совсем не скучал по ней, даже отец никогда не говорил о покойной жене, и это было не удивительно - он из тех людей, чьи чувства и эмоции всегда хранились под надёжным замком делового и серьезного характера. Но я был уверен, ему тяжело далась эта утрата, так что Эдда и тут в какой-то мере заменила отцу «крепкое плечо». Она была не просто домоправительницей, а «тайным» членом нашей семьи, который конечно ясно понимал, как стоило вести себя в присутствии гостей и младшей прислуги. Эдда - удивительный и заботливый человек, а её порой материнская забота стала для меня неотъемлемой частью домашней атмосферы. Сейчас же привести Эдду к «юному сэру» могло только одно – желание обсудить гостей, в особенности моё знакомство с «красавицей-ровесницей», и я не посмел бы лишить её этой маленькой радости.

- Да, входи.

Эдда сияла от счастья. Мне думалось, что дай этой женщине волю, то она сама меня отмоет от пыли бездельничества, приоденет в выглаженный выходной костюм, причешет и надушит парфюмом, а затем лично доставит на дилижансе к дому Нотиннесов. Впрочем, каждый визит гостей, среди которых были дочери влиятельных господ, оказывался для

Эдды поводом для излишней старательности. Только на этот раз я был бы не прочь отдаться в её заботливые руки и быть вскоре доставленным к Лавьен в своём наилучшем виде.

- Вы ей понравились, - прямо с порога начала Эдда, - я это сразу поняла. Какая же она красивая, а вы что? Надо было настоять и усадить их за стол.

- Боюсь, у них были срочные дела.

Я неспроста утаил от Эдды правду о вспыхнувших во мне чувствах к Лавьен. Возможно, я бы и рассказал ей обо всём, вот только подхваченная волной нахлынувшего счастья домоправительница точно не удержалась бы и сразу же поделилась радостью с остальной прислугой, а этого допускать было нельзя. Однажды болтливые языки уже женили меня на чьей-то дочери, а отец, узнав об этих слухах, чуть шкуру с меня не содрал, и той взбучки мне хватило с лихвой.

- Я вас знаю, вы могли бы настоять и, хотя бы попробовать убедить их переменить планы. – Эдда замолчала и протяжно выдохнула. – Ну ладно, уже ничего не поделаешь. Как вы себя чувствуете?

- Чувствую себя хорошо. Думаю, два-три дня, и буду на ногах.

На самом деле я ощущал себя превосходно. Не было слов, описывающих полноту моего счастья, по крайней мере, я таких не знал. Но вопрос Эдды заставил меня задуматься, а сколько мне необходимо пробыть больным? Я ведь не мог сегодня же направить письмо о своём визите в дом Нотин-

несов, это могло показаться наплевательским отношением к их и моему здоровью. Хотя я и не корил себя за притворство перед отцом, но моя мнимая болезнь впервые оказалась противоречивой штукой. С одной стороны, я получил в дар визит Лавьен, но с другой был вынужден изнемогать от нетерпения из-за своей же сообразительности.

- Приятно это слышать. Вы очень быстро пошли на поправку. – Эдда, как всегда махнула на меня рукой и продолжила уже привычным тоном, - да это и не удивительно. Вы молоды и сильны, но вам не помешало бы прогуляться и подышать свежим воздухом.

Эдда почти предвосхитила мои мысли о прогулке к каменному мосту, что пересекал реку Карнэ. С детства это было моё любимейшее место, где я не раз останавливался, чтобы понаблюдать за бегущей водой, движимыми ветром цветами, людьми вокруг, а по вечерам мне нравилось опираться о парапет моста и дожидаться ночи, чтобы созерцать явившиеся звёзды и луну, на чьи отражения в Карнэ я мог любоваться до наступления утра. Мне дико захотелось прогуляться до Карнэ, но уже не в одиночку, а с Лавьен, осталось лишь дожидаться подходящего момента и пригласить её в идеальнейшее место для первого свидания.

- Эдда, я хочу привести себя в порядок и переодеться. Зайди минут через двадцать, у меня будет к тебе поручение.

- Да, сэр. Вам накрыть на стол? Или может принести еду сюда?

- Нет-нет, пока мне нужна только тишина.

- Хорошо, сэр. - Эдда вышла и закрыла за собой дверь.

Я тут же ринулся к столу, не желая терять времени. Достал из ящика бумагу и со всей аккуратностью взялся за перо, дабы моя торопливость не отразилась в строках.

Миссис Нотиннес, к сожалению, я не смог поблагодарить вас за визит как полагается. Ваше внимание придало мне сил, и вот теперь я уже почти выздоровел. Как и обещал, направляю вам письмо, чтобы уведомить о своей готовности принять приглашение на обед и посетить ваш дом, смея рассчитывать на гостеприимство знаменитого и уважаемого семейства Нотиннесов.

Погостить у вас смогу не раньше пятницы. Любая болезнь хитра, поэтому я три дня пробуду дома, чтобы не подвергать риску здоровье ваше, вашей дочери и ваших домочадцев.

С нетерпением жду вашего ответа.

Коул Мастерсон

Перечитав письмо, я остался доволен. Нейтральный тон соблюден, а пятница станет отличным днём для ответного визита. Конечно, мне пришлось целых четыре дня провести в атмосфере терзающего ожидания встречи, но осторожность всё-таки была важнее разгорячённой головы. Когда я запечатал письмо трепет в моей душе понемногу стал утихать, ведь теперь от меня мало что зависело. Оставалось лишь дожидаться ответа и не умудриться заболеть по-настоящему – это было бы иронично.

За оставшееся время я переоделся и умылся. Успел как раз вовремя, Эдда уже постучалась.

- Входите.

- Какое у вас для меня поручение?

В полном спокойствии, не выражая никаких чувств, я передал ей конверт.

- Это для миссис Лауры Нотиннес. Решил поблагодарить её за визит. Только отправьте его завтра, ближе к обеду. Дома их до этого времени все равно не застать.

- Надеюсь, вы пригласили их к нам?

- Нет, но спросил, когда у них найдётся время, чтобы я смог угостить их потрясающими лакомствами моей Эдды.

Она махнула на меня рукой.

- Да бросьте вы, лакомствами. Обычная еда, – откровенно смутившись ответила Эдда.

- Да-да, так и написал. Но не забудьте, отправить нужно именно завтра, а не сегодня. Не хочу показаться нетактичным, не то миссис Нотиннес запомнит меня как человека, который несерьезно отнёсся к её словам о делах и сочтёт меня грубияном.

- Да, сэр! Не забуду, – уже серьезным тоном ответила Эдда. – Вы обедать будете? За весь день же ни крохи не съели!

- Я не голоден, может быть вечером. Хочется поспать, а то и в правду растрочу силы, и тогда хворь снова одолеет меня.

Эдда понимающе кивнула и добавила:

- Хорошо. Позвольте мне откланяться? Работы невпрово-

рот, а то я всё вас отвлекаю.

- Идите.

Эдда ушла и оставила меня наедине с мыслями. Я лёг на кровать и закрыл глаза, представляя, как держу ручку Лавьен в шёлковой перчатке и веду её прямо на мост, чтобы остановиться над Карнэ и показать ей то, чем меня так манило это место. Наверное, многие из заставших меня на мосту людей скорее всего не понимали, ради чего молодой человек торчал здесь часами напролёт и так бездумно терял драгоценное время молодости, но они разучились или не умели ценить мир вокруг. Я же приходил к реке ради великолепного вида природы, который теперь мне не терпелось объединить с чувством восхищения от красоты Лавьен. Пока я представлял себе этот день, даже не заметил, как погрузился в сон.

***

Мне приснился нарисованный мир. Он напоминал бело-снежный пейзаж, грани окружения на котором образовывали движущиеся и в некоторых местах мерцающие контуры, похожие на то, что художники вырисовывают углём на холстах перед тем, как браться за краски. Передо мной протекала речушка, это определённо была Карнэ, а за ней раскинулись цветочные поля, лишённые своих ярких природных красок. Сон был мне неподвластен, в нём я шёл по знакомой тропинке. Вскоре я увидел проходящий через Карнэ мост, а на нём её – наполненную живостью цвета Лавьен. И тут ноги понесли меня к ней. Я предвкушал наше воссоединение,

но чем ближе я подходил к мосту, тем больше контурный мир и Лавьен начинали размываться. Внезапно меня оторвало от земли, и я полетел, но не к небу. Нарисованный мир словно перевернулся и вот я уже летел с большой высоты прямо на контурную землю. Страх заставил сжаться все мои внутренности и за мгновение до смертельного приземления, я проснулся.

***

Через два дня наконец пришёл долгожданный ответ. Эдда с помощником была на рынке, поэтому переживать о её любопытстве не стоило, а остальная прислуга даже не заметила, как я забрал доставленное почтальоном письмо. Но даже если бы меня заметили, то никого бы это не удивило, ведь все в доме теперь знали - сын хозяина окончательно выздоровел.

Конверт оказался завёрнут в белую ткань, пропитанную запахом какого-то изысканного парфюма. Мне хотелось верить, что этот изящный жест оказала мне Лавьен, но, учитывая, что её родители тратили немалые деньги на парфюмерию, о чём мне рассказывал отец, то это вполне могла сделать и миссис Нотиннес.

Вернувшись в свою комнату я первым делом раздвинул шторы, чтобы само солнце освещало мне строки. Руки тряслись от волнения, настолько трепет вкупе с жадной прочесть письмо захватили моё тело и вскружили голову. Мне хотелось разорвать конверт, лишь бы поскорей прочесть послание, но я старался держать себя в руках и учиться терпе-

нию, которого мне очевидно сильно не хватало.

Пока я смотрел на конверт, то невольно подумал об отце. Мне бы стоило отправить ему письмо и сообщить о своей победе над болезнью, ведь любому отцу было бы приятно получить несколько строк от единственного сына. Но, насколько сильно я хотел обрадовать его сообщением о выздоровлении, настолько же мне не хотелось братья за перо. Любое слово могло обернуться для меня ошибкой. Отцу бы ничего не стоило вызвать меня во Францию первым же кораблём, чтобы я не терял время попусту и как можно скорее вернулся к освоению тонкостей управления семейным делом. А что могло случиться, если бы я написал о Лавьен? Отец мог всё испортить и ни оставить мне даже крохотного шанса завоевать сердце возлюбленной, а всему виной могла опять оказаться эта треклятая «репутация семьи Мастерсонов». Да и кто знал, вдруг такой человек как Роберт Мастерсон в принципе не захочет родниться с Нотиннесами? Нет, рисковать было нельзя. Сначала стоило заполучить симпатию Лавьен, тогда наши взаимные, искренние и чистые чувства точно бы никому не навредили, и властному Роберту Мастерсону придётся смириться с таким положением дел. Однозначно, неведение отца – это моё главное преимущество.

Я был удовлетворён принятым решением. После размышлений я вновь вдохнул аромат духов, исходивший от белой ткани. Сладковатые нотки ласкали обоняние, запах был настолько полный, что наводил на мысль о поле с тысячами

живых, ярких красок цветов, среди которых я представлял странствующего ангела по имени Лавьен.

Освободив конверт от ткани, я аккуратно сложил последнюю несколько раз и положил на край стола, чтобы ощущать дивный запах во время чтения, а затем вскрыл печать - теперь у меня в руках оказался лист плотной бумаги. Я всё ещё проявлял недюжинное терпение, стараясь выработать так нужное мне качество, и пока мне это удавалось, но как же это было трудно. Медленными движениями я разложил лист и принялся читать.

Мистер Мастерсон, известие о вашем выздоровлении обрадовало меня до глубины души. Мне жаль, что мы с моей дочерью не смогли побыть в вашей компании подольше. Надеюсь, вас это нисколько не огорчило. Кому как ни вам понимать, наша рутина состоит в основном из разговоров и нескончаемых деловых встреч и приёмов. Учитывая, что вы с лёгкостью справились с болезнью и теперь полны готовности отобедать с нами, я незамедлительно переменяла все планы ради вашего визита. Поэтому приглашаю вас на субботний гостевой обед в имение Нотиннесов.

За вами прибудет наш экипаж, ровно в полдень. Прошу вас, не высылайте письмо с отказом от поездки, всё-таки дорога улицы Кастейн славится ухабами, а наш кучер знает их на зубок. Обещаю вам, поездка будет спокойной и ничего не испортит вашего первого впечатления о доме Нотиннесов.

P.S. Лавьен разделяет мои чувства по поводу вашего вы-

здоровления.

С наилучшими пожеланиями,
Лаура и Лавьен Нотиннесы

Прекрасно, просто прекрасно! Какое там учение терпению, я был готов разорвать само время, пройти сквозь препятствия бесконечности, лишь бы заполучить шанс приблизить время встречи. Моё тело охватило такое возбуждение, что нужно было незамедлительно взять себя в руки. Сделав несколько глубоких вдохов, я вернул власть над собой и спрятал письмо с конвертом в ящик стола под кипу чистых листов бумаги.

Сделав ещё один глубокий вдох, я смирился с мыслью, что теперь мне оставалось только ждать субботы, и, чёрт возьми, как же это было сложно, нетерпение уже начинало снедать меня, хотя прошло всего-то несколько минут. Отбросив мысли, я настежь открыл окно и принялся любоваться родным городом, но как бы я не старался отвлечься и убить время, в голове постоянно всплывала одна и та же фантазия - я и Лавьен прогуливавшиеся по мосту.

В какой-то момент я подумал: «Лавьен наверняка уже не раз проходила через тот мост, вдруг ей не нравилось это место»? Но даже если так, то она не была там со мной, а мне было, чем её удивить. Оставалось сделать совсем «немногое» - дотерпеть до субботы.

И я дождался, ей-богу, дождался! Проснулся гораздо раньше обычного - только начинало светать. Ещё лёжа в кро-

вати, я увидел в окне тусклое сияние звёзд и первые проблески солнечного зарева. Ускорить время я не мог, но попытаться его убить - вот это было в моих силах. Но за что бы я не брался, ничего не помогало, минуты будто обратились в часы, а часы в недели, но всё же время текло и это было главное. Вскоре явилась Эдда, чтобы разбудить меня, но вместо этого я сам встретил домоправительницу у двери и попросил подготовить выходной костюм. Она конечно же начала расспрашивать о моих планах, а я лишь сухо ответил:

- По делам.

- Не успели на ноги встать, как уже с головой в делах. Отец бы вами гордился.

- Да, Эдда... гордился бы.

Пока экономка готовила костюм, я начал приводить себя в порядок. Через несколько часов домашний бездельник, преобразился в представительного молодого джентльмена, и это несмотря на то, что я всей душой ненавидел наряжаться в выходные комплекты. По мне простая и комфортная одежда лучше подходила для человека моего склада. Свобода мысли, свобода движений - вот что я всегда признавал, не вынося строгость деловой жизни, которая весьма символично украшала несколько костюмов моего отца. Пару похожих на отцовские комплекты были сшиты и для меня, но эту одежду я на дух не переносил, потому что их узкие жилеты и душащие воротники ни на секунду не давали забыть о деловой репутации семьи Мастерсонов.

Мой же выходной костюм был однотонный и самым что ни на есть обычным, но сегодня я придумал ему особенный вид. Во внутренний карман сюртука я положил конверт с письмом Лауры Нотиннес, а ткань, которая всё ещё хранила ненавязчивые нотки дорогого парфюма, я сложил в нагрудный карман вместо платка-паше, и очень надеялся, что мать Лавьен обратит на него внимание.

Время близилось к полудню. Я напоследок взглянул на себя в зеркало и остался доволен отражением. Сегодня всё было на своих местах, кроме моего внутреннего спокойствия. К своему удивлению я начинал нервничать от одной только мысли о встрече с Лавьен и мне ненадолго даже стало дурно. Видимо такая нервозность была свойственна всем, кому когда-либо приходилось влюбляться.

Когда я спустился на первый этаж, передо мной предстали работники дома; каждый занимался поручениями стоявшей в центре гостиной домоправительницы, то и дело раздававшей новые указания. Когда Эдда начала говорить что-то о кухне, она обернулась и заметила меня.

- Уже уходите, сэр? Когда вас ждать? – метнула она вопросы уже почти подойдя ко мне.

- Да, меня подвезут. Вернусь вечером, не раньше.

- Мне приготовить ваше любимое... - Эдда украдкой взглянула по сторонам, так она проверяла, есть ли возможность незаметно проявить свою «материнскую заботу». – Ваше любимое от тётушки Эдды?

Домоправительница славилась своей готовкой, и поэтому ей удалось невероятное, теперь мои мысли были посвящены только вкусностям от Эдды, которыми она часто баловала меня. От фантазий о вкусных блюдах мой рот тут же наполнился слюной, и я сглотнул.

- Нет, Эдда, очень хочется, но сегодня вам лучше не готовить. Но поверьте, завтра в моём животе найдётся место только для вашей стряпни.

Эдда смутилась и вновь поглядела украдкой по сторонам. Затем она посмотрела мне прямо в глаза и взяла мою руку. Она нежно провела грубыми пальцами по тыльной стороне моей ладони и прошептала:

- Договорились. Но запомните, завтра я отказа не приму.

- А завтра отказа и не будет, – прошептал я в ответ.

Домоправительница отпустила мою руку, оглядела меня с ног до головы и продолжила:

- Вы сегодня красивы как никогда.

- Не могу не согласиться.

Эдда несколько раз кивнула и резко ахнула, увидев кого-то из младшей прислуги:

- У меня же работы полный дом, а я вас задерживаю, ещё опоздаете из-за меня.

Эдда вернулась к своим обязанностям, а я проводил её взглядом и улыбнулся. С каждым днём я всё больше привязывался к этой женщине и мне было очень жаль, что я не мог во всеуслышание объявить Эдду своей названной матушкой.

Не было в мире рук заботливее, чем руки моей второй мамы, прикосновение которых, казалось, всё ещё согревало мою ладонь. Как же я был благодарен судьбе за то, что в моей жизни была Эдда, моя милая Эдда.

Экипаж прибыл вовремя, я устроился в нём весьма удобно и вновь погрузился в беспокойное ожидание. Когда мы добрались до улицы Кастейн, дорога действительно ощущалась ровной, как было обещано мне миссис Нотиннес, но оттого хуже. Я ждал тряски, любого неудобства, которое помогло бы мне отвадить от себя раздражающее переживание, но никак - кучер и вправду оказался мастером своего дела.

До встречи с Лавьен оставались считанные минуты, а мой лоб так некстати покрылся испариной. Белым платком в нагрудном кармане я воспользоваться не мог – это было бы оскорблением моих высоких чувств. Вместо этого я взял с сиденья подушку и вытер о неё лицо. Поступок недостойный, но никто не видел, а значит, Коул Мастерсон не был уличён в дурных манерах.

Когда я вернул подушку на место, то заметил, что мы уже миновали ворота имения Нотиннесов. Экипаж остановился, но сам дом я не успел разглядеть, лишь услышал, как кучер спрыгнул, направился к двери и открыл её. Внутри тут же проник прохладный, приятный ветерок, но мне всё равно стоило поторапливаться, иначе лоб снова бы покрылся испариной, ведь моё сердце колотилось от волнения, как паровой состав. Удивительно, как я ещё не свалился в обморок.

Сделав глубокий вдох и резко выдохнув, я вышел из дилижанса. Перед трёхэтажным гигантом с восхитительной архитектурой стояли две прелестные дамы из рода Нотиннесов. И внезапно, беспокойство как рукой сняло, стоило мне только увидеть Лавьен.

Подойдя к дамам, я остановился перед миссис Нотиннес и оказался впечатлён её видом. Её можно было бы принять за совсем другую женщину, далеко не ту, что посещала меня в начале недели, потому что сейчас мать Лавьен пылала красотой и жизнью, да ещё выглядела моложе примерно на десяток лет. Теперь мне было понятно от кого моя возлюбленная унаследовала девичью красоту.

- Мистер Мастерсон, - кивнула мне миссис Нотиннес в знак приветствия и протянула руку.

Я поцеловал тыльную сторону ладони, так отец всегда велел мне приветствовать дам.

- Миссис Нотиннес, я рад наконец быть вашим гостем. Давно не бывал в этой части города и позвольте мне выразить восхищение. Имение поражает красотой. Определённо, этот дом – архитектурный самородок улицы Кастейн.

- Мне приятно ваше замечание, наша семья вложила целое состояние в этот имение, и я говорю не только о деньгах. Мой муж весьма внимателен к нашим пожеланиям, поэтому всё в этих стенах создано в соответствии с нашими вкусами и предпочтениями. Это самый настоящий фамильный дом, чьи стены будут вечно хранить память о многих поколений

Нотиннесов.

Тот самый образ загадочной и прекрасной дамы, недавно зародившийся у меня в голове, рассыпался. Теперь я слушал самую заурядную жену самого обычного мужа, обладавшего хоть каким-то состоянием. Не бывало в моей жизни случаев, когда хозяйка во всеуслышание бы заявила: «то, что есть у меня – это самые обычные вещи, а сама я не славюсь уникальными вкусами и предпочтениями». Без лукавства, дом Нотиннесов и в правду был приятным пятном на фоне окружавшей меня архитектурной безвкусицы. От него веяло индивидуальностью, а не слепым подражанием модным течениям, обусловленным благосостоянием и социальным положением. Я глубоко убеждён в том, что дом – это в первую очередь обитель семейства, а не постамент для памятника, демонстрирующего всем вокруг толщину кошелька его владельца.

Впрочем, что такое фамильный дом, когда главная ценность Нотиннесов стояла совсем рядом? В образе Лавьен меня совсем не волновало ничего из того, что не имело отношения к её ангельскому телу - ни платье, ни косметика, ни даже брошки или другие украшения. Моё внимание было отдано чертам её прелестного лица, золотому переливу волос, которые сегодня были завязаны в изящный пучок, и, конечно же, направленным на меня голубым глазам.

- Здравствуйте, мистер Мастерсон!

Она протянула руку и улыбнулась мне. О боги! Моя уве-

ренность вновь пошатнулась.

- Здравствуй, Лавьен!

Я коснулся её руки и внутренне заликовал. Какой шёлк, какая нежная кожа. Со всей нежностью я поцеловал руку Лавьен и ощутил дивный аромат её духов, напоминающий смесь экзотических специй и какого-то цветочного букета. Он очаровывал и пленял меня.

Собравшись с силами, я отпустил руку Лавьен.

- Прошу вас, мистер Мастерсон, пройдёте в дом.

Миссис Нотиннес развернулась и направилась ко входу. Я уже хотел последовать за хозяйкой, как Лавьен вновь одарила меня теплом своего внимания.

- Вы взяли платок? Это так мило. Надеюсь, вам понравился парфюм?

Всё-таки это был её подарок! Теперь этот платок станет неотъемлемым элементом всех моих костюмов. Куда бы я ни пошёл, где бы я не находился, я не расстанусь с ним ни за что.

- Я был в восторге. Удивительно, насколько тонок ваш вкус к дивным ароматам.

- Когда я вас увидела, мне сразу захотелось подобрать особый букет. Других таких нет, эту формулу составили по заказу отца. Пойдёмте, не будем заставлять матушку ждать.

Я немедленно последовал за ней, упиваясь приливом счастья. Кто ещё был способен сделать мне такой подарок? Она очаровала меня своим трудом, своим выбором, она преподнесла

мне частичку себя. Теперь настала моя очередь удивлять, я должен был решиться и пригласить её на Карнэ.

Во время обеда я старался есть больше для вида, да и разговоры напоминали «сухие деловые беседы». Миссис Нотиннес, как и ожидалось, была горда и счастлива дружбой наших семей, её радовали перспективы этого делового союза и то растущее влияние, которым овладевала её семья. Конечно же, какая мать упустит возможность лишний раз превознести свою дочь в глазах сына Роберта Мастерсона, но она видимо так и не заподозрила, что её старания тщетны. Не существовало в мире слов, способных ещё сильнее влюбить меня в Лавьен.

С каждым рассказом миссис Нотиннес я лишь подмечал полноту характера и таланта её дочери. Увлечение книгами, обучение игре на пианино, участие в жизни нашего города, успехи в местной школе искусств - всё это было лишь частью выдающихся качеств сидящей напротив меня умницы.

Всё шло как нельзя лучше, но близился вечер, и я старался затянуть беседу, поднимая самые пресные, но волнующие миссис Нотиннес темы, пока мой слух не покорило заявление хозяйки дома.

- Мистер Мастерсон, сегодня вечером я должна написать письмо мужу. Мне будет приятно сообщить о вашем визите. Может быть и вы напишите своему отцу, а завтра наш посыльный придет к вам и заберет письмо? Это было бы так чудесно!

А вот такого поворота событий я никак не ожидал. Судя по словам миссис Нотиннес, меня никто не собирался приглашать на ночлег, но теперь это меня совсем не заботило, ведь на кону стояло столь нужное мне неведение отца. Я оказался в сложном положении, если откажусь, миссис Нотиннес наверняка не забудет упомянуть об этом в письме мужу, а этого допускать было нельзя. Да и что же мне написать отцу? Что я отобедал в доме Нотиннесов и все? Если я скрою свои чувства к Лавьен, то это может навсегда отдалить меня от неё. Нет, этого тоже допустить нельзя. Мне нужно было что-то предпринять, и я не нашёл решения лучше, чем пойти на риск.

- Миссис Нотиннес, я конечно же не против, но позвольте мне внести одно предложение.

Лаура и Лавьен Нотиннесы одновременно прекратили есть и с интересом посмотрели на меня. Я и так чувствовал себя некомфортно из-за ситуации, в которой оказался, так теперь ещё и вынужден рисковать, будучи под пристальным наблюдением Лавьен и её матери, способной в одночасье погубить все мои планы.

- Какое, мистер Мастерсон?

- Вы очень учтивы, ваше предложение мне по душе, но я хочу попросить у вас разрешение пригласить на прогулку вашу дочь. Я бы с удовольствием проводил её до почтамта. Свежий воздух пойдет мне только на пользу, к тому же, я не могу упустить возможность укрепить дружеские отношения

с вашей семьёй. Честно признаться, после я хотел бы пройтись с Лавьен до старинного моста, что пересекает Карнэ у цветочных полей, там я смог бы показать вашей дочери моё любимое место, с которого открывается удивительный вид. После я обещаю посадить мисс Нотиннес в дилижанс или проводить до дома лично, но я бы не позволил себе такой дерзости без вашего разрешения.

Я был удивлён собственной смелости, слова из моего рта вылетали с такой уверенностью, будто я репетировал эту крохотную речь не одну бессонную ночь. Теперь я был отдан на волю судьбы и внимательно следил за каждым движением миссис Нотиннес. Она спокойно выслушала меня, после повернула голову к дочери, и они обе лишь молча смотрели друг на друга. Я мог впасть в тёплые объятия самообмана, но мне показалось, что в глазах Лавьен блеснула надежда. Пришлось прибегнуть к силе молитвы, чтобы моё предположение оказалось верным.

- Не вижу причин отказать вам, мистер Мастерсон. Вы производите впечатление достойного молодого человека, говоря по правде, мой муж никогда бы не стал работать с людьми, о которых бы ходили скверные слухи, пусть даже и пустяковые. Я готова доверить вам дочь, но только до пяти вечера. Понимаете, мне и Лавьен нужно закончить с несколькими безотлагательными делами, потому что послезавтра на рассвете нам необходимо на неделю отбыть по просьбе моего мужа. Если вас устраивает моё предложение,

то я распоряжусь, чтобы завтра экипаж прибыл в пять вечера к мосту, и вы смогли бы посадить на него мою дочь.

Каждая мышца моего тела расслабилась, с души свалился тяжеленный валун, а сам я будто очнулся от крепкого сна, придавшего мне могучие силы. Теперь меня совсем ничего не тяготило, однако вновь придётся встретиться с удушающим чувством ожидания завтрашнего дня, а за ним и целой недели.

- Ваше предложение меня полностью устраивает. Благодарю вас, миссис Нотиннес! Я прибуду завтра к полудню на своём экипаже, это время подойдёт?

Мать легонько кивнула дочери, предоставляя ей тем самым право выбора.

- Подойдёт, буду ждать вас с нетерпением.

Лавьен одарила меня робкой улыбкой. Все сложилось как нельзя лучше. Теперь многое зависело от исхода завтрашнего дня, а сегодня я смело отбросил мысли по поводу отца и своей, возможно, недолговечной тайны, подальше.

Остаток обеда прошёл наимприятнейшим образом. Мне провели экскурсию по дому Нотиннесов, показали библиотеку с немалым количеством редких изданий, иной раз таких писателей, чьи имена мне никогда не доводилось слышать. Мы посидели в саду, а перед уходом меня наградили ценным подарком – виртуозной игрой Лавьен на пианино.

Мне было трудно уходить, но деваться было некуда. Домой меня доставил тот же экипаж Нотиннесов, и прибыл я

аккурат к заходу солнца. Войдя в дом, я застал Эдду, раздававшую прислуге указания, не зная устали.

- Юный сэр, вы вернулись! Как прошёл ваш день?

- Потрясающе, Эдда, просто потрясающе.

- Я за вас рада. Вы не голодны?

- Нет, меня любезно накормили и напоили чаем. Эдда, приготовьте мне на утро прогулочный костюм.

- Хорошо, сэр. Ещё одна встреча?

- Нет, хочу снова насладиться свежим воздухом. Сегодня он пошёл мне пользу.

- Это правильно, даже таким сильным мужчинам как вы это не помешает.

- Я, наверное, отправлюсь спать. Ах, да, Эдда, попросите подготовить экипаж, завтра к одиннадцати часам он мне понадобится.

- Да, сэр.

Эдда вернулась к своим делам, она не стала донимать меня разговорами и за это я был ей безмерно благодарен.

В комнате я переоделся и принялся искать ответ на важный вопрос, а стоит ли мне вообще писать отцу? Я сел за стол и достал лист бумаги. Взяв перо, я дважды окунул его в чернильницу и начал письмо с обычного приветствия:

Дорогой отец,

Но на ум не приходило ничего подходящего, что можно было бы изложить в письме. Отец в любом случае получит известия о моём визите от мистера Нотиннеса, но чем я смо-

гу дополнить это? Я не имел ни малейшего представления, какие мысли миссис Нотиннес изложит в своей версии описания дружеского обеда, а я мог бы всё испортить любым неудачным словом. Если я не отправлю отцу письмо, его это точно не обидит, поэтому не стоило лишний раз испытывать судьбу. Лучше сперва дождаться завтрашнего дня и приложить все усилия, чтобы добиться расположения Лавьен, тогда я смогу смело сообщить отцу о своих намерениях.

Начатое письмо я спрятал под книгами на краю стола. Рано или поздно пригодится. Но спрятать себя от насущной проблемы я никак не мог. Я лёг на кровать и отдался размышлениям о завтрашнем дне. Что же мне делать? Как мне добиться расположения Лавьен? Торопиться в делах сердечных не стоило, особенно с такой порядочной девушкой, но у меня было не так много времени, да и был ли у меня выбор? Нет, обстоятельства играли против меня. Единственно верным решением вновь оказался риск. Мне придётся признаться в чувствах Лавьен, но такая торопливость и навязчивость могли оскорбить Лавьен. Но что мне остаётся? Ничего. Только мои виды с моста над Карнэ. Точно! Я поражу её своим художественным взглядом на мир, я открою перед ней душу, покажу ей свою лучшую сторону, а затем признаюсь в чувствах. Мне аж дурно стало от такой бури мыслей, настала пора отдохнуть.

Утром Эдда накормила меня сытным завтраком, и пока прислуга была занята работой, она пожелала мне приятной

встречи с юной мадемуазель.

- О чём это ты? – удивлённо поинтересовался я.

- Прошу вас, юный сэръ, не оскорбляйте меня ложью. Я же вижу, как вы прячете от меня взгляд, как вы задумываетесь и как в эти минуты дрожат ваши руки. Когда я вижу вас в таком состоянии, мне всё становится очевидно - кто-то завоевал ваше сердце. Вы ещё молоды, сэръ, поэтому я вас так легко раскусила. Эта та самая красавица Лавьен Нотиннес?

Я опешил. Чем напористее я старался сохранить тайну, тем больше её обнажал. Эдда была права, я ещё молод и неопытен в делах сердечных, хотя возможно, мне это попросту не дано. Ещё мой дедушка говаривал:

«Роберт бы стал прирождённым политиком. У моего сына дар скрывать свои мотивы под масками, которые даже самые закалённые интриганы не в силах сорвать».

Этим врождённым умением мой отец был известен даже в самых узких кругах. Он хоть и не стал политиком, но как предпринимателю ему не было равных во всём штате, особенно на фоне политических связей, которые ему удалось заполучить далеко не самыми честными методами. Все партнёры гордились своей причастностью к делам моего отца, но никто так и не смог заработать ни большего уважения, ни больших денег, чем Роберт Мастерсон. Но я был совсем другой, на моё лицо маски не налезали.

- Так заметно?

- Я сразу всё поняла, но не стала доносить вас. Не беспо-

койтесь, юный сэра. Мой рот на замке! - гордо заявила Эдда.
- Я же понимаю, если бы вы хотели, то уже давно бы всё рассказали вашей Эдде.

- Я вчера был у Нотиннесов, а сегодня я иду с ней на Карнэ, с разрешения её матушки.

Эдда нежно погладила меня по голове. На её глаза начали накатываться слёзы, и затем она шёпотом произнесла:

- Мне так радостно за тебя, Коул.

Я вскочил со стула и взял Эдду за руку.

- Неужели я тебя обидел?

Эдда вытерла слезы и погладила мою руку.

- Нет, конечно же нет. Я просто рада за вас. Вы уже такой взрослый.

Я обнял Эдду не боясь, что это заметит кто-то из остальных прислуги.

- Мне пришлось сохранить это в тайне, я...

Эдда высвободилась из моих объятий.

- Понимаю, вы бы не стали это скрывать, если на то не было бы причин. Вы боитесь неодобрения вашего отца, но, юный сэра, если вы этого желаете, значит вам это и нужно. Я буду хранить молчание, пока вы сами не решите всё рассказать, ваша Эдда вас поддержит.

Слова названной матери вселили в меня уверенность. Настала пора брать ответственность за свою жизнь в свои же руки, ведь мне выпал судьбоносный шанс и было грех им не воспользоваться.

- Спасибо, Эдда!

Возвращаясь к завтраку, я заметил, что Эдда явно пыталась мне что-то сказать, но почему-то продолжала лишь молча наблюдать за мной.

- Что такое, Эдда? Я же вижу, ты что-то хочешь сказать.

- Я... хочу дать вам один совет, если вы не против, сэр.

- Нет, не против.

- Если вы идёте к Карнэ, то поделитесь с мисс Лавьен какой-нибудь вашей любимой историей или сказкой. Вы так любили, когда ваш дедушка рассказывал вам их перед сном, а мисс Лавьен проникнется к вам доверием, если вы поделитесь с ней чем-то личным. Я хоть и старушка, но мне кажется, девушки ещё не научились ценить откровенности от мужчин. Ох, сколько же кошмаров вам снилось, сколько раз я успокаивала вас, как же эти сказки вас впечатлили.

Пока Эдда предавалась воспоминаниям, я подумал, что в её предложении есть смысл. По моему замыслу Лавьен смогла бы увидеть спрятавшийся у всех на виду уголок истинной красоты нашего города, но если скрасить такую романтическую прогулку интригующей историей, при этом личной, то почему бы и нет? И я уже выбрал подходящую сказку, о которой не знала ни Эдда, ни даже мой отец. Я расскажу о сгинувшем Ириехаме. Эту историю мне довелось услышать только от деда, а он всегда запрещал мне пересказывать её кому-либо. Даже после того, как дедушку забрали в сумасшедший дом, где он дожил свои последние дни, я никому

её не рассказывал. Сомневаюсь, что кто-то мог поведать эту сказку Лавьен, потому что мой дедушка говорил:

***

«Это только наша с тобой история, а тех, кто о ней когда-либо слышал, уже давно нет в живых. Поверь мне, я знаю о чём говорю. Мне же просто повезло услышать эту сказку. В детстве я встретил вечного путника, назвавшегося пилигримом, он прибыл к нам из каких-то очень далёких земель и утверждал, что является автором некой летописи, «ТиаФайТ», если мне память не изменяет. Так вот, этот путник оказался собирателем редчайших историй, и одну из них он мне и поведал, но при условии, что я никому и никогда её не перескажу. Я согласился, и он рассказал мне сказку «Сгинувший Ириехам». И я молчал, десятки лет молчал, но как же мне не поделиться одной из лучших в мире сказок с любимым внуком?»

***

К часу дня я уже был на почтамте в компании моей несравненной Лавьен. Там мне пришлось впервые соврать ей; я сказал, что не написал письмо отцу, потому что мы с ним ценили живое общение – это наша традиция. Дабы избежать расспросов, я резко сменил тему беседы и начал рассказывать Лавьен о том, какие прелестные виды вскоре откроются перед ней, и, судя по выражению её лица, мне удалось заинтриговать самого ангела.

По дороге в западную часть города я любовался внешне-

стью Лавьен; сегодня она была с распущенными волосами, от неё благоухало прелестными духами с мягкими нотками резеды, а сама она была одета в розовое платье, которое подчёркивало её светлый и целомудренный вид.

Когда же мы добрались до реки, я выскочил из экипажа первым, а затем подал руку Лавьен и помог ей сойти на брусчатую дорожку, ведущую напрямик к мосту. Лавьен меня поблагодарила, и, улыбнувшись друг другу, мы пошли вперед.

Вскоре я слышал журчание Карнэ, успокаивающий шум воды воспринимался сегодня по-особенному приятным. Вскоре мы заметили нужный нам мост. Его кладка была старинной, а конструкция арочной и, по-видимому, выстроенной очень давно. Узнать людей, которые впервые ступали на это сооружение было несложно - они делали это с опаской, боясь свалиться в реку вместе с ненадёжным мостом, а вот коренные жители ходили по нему без малейшего чувства страха. Для меня же древность моста лишь придавала ему надёжности, как и тайна его постройки. Никто из ныне живущих не знал (по крайней мере я так думаю), когда и кем он был построен, даже мой дед, который, как мне казалось, знал всё на этом свете. Пару лет назад я пытался это выяснить, но мои старания так и не увенчались успехом. Этот мост - памятник таинственности и настоящее достояние города, жаль, что никем не ценимое по достоинству.

Как обычно бывало в субботний день, уже десятки лю-

дей прогуливались по мосту, но, как и всегда, никто на моей памяти не останавливался послушать звуки природы, заключающие в себе ритм первозданной жизни. Если кто и останавливался, то зачастую инициаторами выступали дамы, впечатлённые неповторимой красочностью цветочных полей, но они видели лишь то, что невозможно было пропустить. Непревзойдённую же красоту этого места найти было не так просто, чтобы её прочувствовать, нужно было приложить большей усилий, чем просто осматривать округу.

Мы взошли на мост, и я заметил насколько неуверенно Лавьен переступала с ноги на ногу. Это показалось мне забавным и весьма удачным стечением обстоятельств, ведь я мог проявить свою внимательность к переживаниям моей спутницы, а ещё утвердиться в её глазах как настоящий джентльмен. Я осторожно взял Лавьен за руку.

- Не бойся, он столь же крепкий как моя рука.

Лавьен приняла мою поддержку.

- Если так, то как я могу сомневаться?

Эти слова воодушевили меня. Мне показалось, что воздух вокруг пропитался уверенностью, и я жадно вдохнул его и гордо зашагал по каменной кладке. Впервые за долгое время я почувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

Мы дошли до центра моста, и я объявил Лавьен, что мы прибыли. Я подвёл её к левой стороне моста, с которой открывался вид на цветочные поля, а затем положил руки на каменный борт и попросил Лавьен повторить за мной. Она

без лишних вопросов сделала это.

- Что тебе напоминают вот эти цветочные поля? Только сразу не отвечай, подумай. Вдруг на ум придёт какой-нибудь необычный образ.

Пока Лавьен рассматривала мириады цветов, я вглядывался в её великолепный профиль. Я начал чувствовать наше единение, словно мы становились дополнениями друг друга, и в этот миг я от всей души пожелал, чтобы время застыло и навечно запечатлело зарождение нашей искренней любви.

- Мне кажется я вижу разноцветное волнующееся море на фоне неба. Так красиво, ветер словно играет с цветами, взгляни! - Лавьен показала на левую часть полей и медленно двигала рукой вправо. – Как будто волны плывут друг за другом. Это будоражит.

- Согласен, действительно будоражит. А теперь прислушайся.

- Журчит вода.

- Хорошо, а теперь повторяй за мной. Посмотри вперёд, хорошо, а теперь закрой глаза и представь, что так журчит не просто речушка, а целый океан, чья водная гладь усыпана цветами, какие ты только что видела на поле. Ветер ласкает твою кожу, а сама ты вдыхаешь волшебный аромат цветочного океана. И это всё для тебя. Здесь нет ни тревог, ни забот, ни притворства. Есть только ты и твой океан цветов, а вечером, когда солнце скроется за горизонтом, тебя встречают мерцающие россыпи звёзд и сияющая луна. Теперь сама

природа заставляет блеснуть мир вокруг, в каждой капле на каждом цветке сияет блеск росы. И всё это только для тебя. Для нас.

- Для нас, – повторила Лавьен.

Я не раскрыл глаз, чтобы не допустить обрушения моей фантазии. Лавьен не просто сказала то, что я так хотел услышать, она разделила со мной волшебный мир фантазии. Наконец, насладившись моментом и открыв глаза, я увидел, что Лавьен всё еще пребывала в собственном воображении. Мне хотелось её вернуть, но как бы я посмел? Ведь кто как ни я знал, насколько эти иллюзии волшебны. Я готов был ждать сколько угодно. Когда она наконец открыла глаза и посмотрела на меня, я понял, что сейчас наступило лучшее время, чтобы последовать совету Эдды.

- А теперь посмотри вон туда, - я показал Лавьен вдаль, на окруженную цветами на дальнем холме высокую каменную колонну. - Видишь?

- Вижу, а что это?

- Лавьен, то что я тебе расскажу, должно навсегда остаться между нами. Пообещай мне.

- Обещаю, - твёрдо и уверенно ответила Лавьен, даже не задумываясь.

- Как гласит легенда, это единственная уцелевшая колонна площади древнего города, в котором давным-давно произошло кое-что ужасное.

Лавьен переметнула взгляд на колонну и рассматривала

её так, будто бы пыталась разгадать её тайну.

- Легенда?

- Ну, это не совсем легенда, это скорее сказка. Ты что-нибудь слышала о сгинувшем Ириехаме?

- Нет, впервые слышу. Что это?

Я не был удивлён, всё же, это моя сказка. Теперь Лавьен было суждено стать действительно моей родственной душой, ведь я намеревался поделиться с ней тайной, которая давно не имела двух живых хранителей.

- Когда я был маленьким, дедушка часто баловал меня сказками перед сном, и вот однажды он рассказал мне историю об Ириехаме, которую ему самому поведал в детстве один странник. Этот незнакомец взял с дедушки обещание, что он ни с кем и никогда ею не поделиться, но он всё же нарушил обещание и рассказал эту историю мне. Он тогда был уже очень стар и видимо предчувствовал скорую смерть, поэтому, как я думаю, он решил поделиться сокровенным знанием с дорогим ему человеком, а он к слову очень меня любил. Да и я любил дедушку не меньше, и поэтому никому ни слова не обронил об Ириехаме. Но мне кажется, что теперь и я нашёл того человека, с кем теперь могу поделиться этой историей.

- Это так мило, Коул. Со мной ещё никто не делился семейными тайнами.

- Нет, Лавьен, не семейными. Это личная тайна, которую я доверяю только тебе. Если ты конечно не хочешь её услы-

шать, то...

- Да, Коул, - перебила меня Лавьен. – Хочу и никогда о ней никому не расскажу, - твёрдо закончила она.

- Я очень рад этому. Тогда слушай. На самом деле я не знаю, что это, сказка или легенда, но никакая из услышанных мною историй не шла в сравнение с этой, с первого же ночи я влюбился в неё и в то же время боялся до слёз. Когда я подрос дедушка привёл сюда и показал колонну, потому что она была единственным памятником сгинувшему Ириехаму, и в тот день я услышал историю этого города в последний раз. - Я вновь посмотрел на колонну и принялся за рассказ:

***

«Сгинувший Ириехам»

Когда-то давно, среди цветочных полей, был возведен богатейший и благороднейший город Ириехам. Его окружали высокие непреступные стены и охраняли замок, что возвышался в центре величественного города. Замок был украшен золотом и столь огромными драгоценными камнями, что великанам было не под силу вырвать из величественных стен, а уж о краже никто из них даже подумать бы не смел. От крыши самой высокой башни замка в небо устремлялся высокий шпиль, получившего известность ориентира, который мог бы оповестить даже самих богов – здесь стоит великий Ириехам. Основали и жили в этом городе поколения влия-

тельных и благородных господ. Жили они в домах и особняках, не уступавших в красоте самому замку, и каждому жителю разрешалось иметь десять подданных, лично подобранных потомственным правителем города - Герцогом Маргиром, которому был известен передававшийся из поколения в поколение алхимический секрет превращения воды в золото и драгоценные камни. Но помимо тайного родового знания Герцога делало знаменитым присущая ему щедростью, но познать её мог лишь тот, кому сам Маргир разрешал стать жителем Ириехама и присягнуть ему на верность, а такое право могли заслужить лишь самые богатые и влиятельные люди на всё белом свете. Многие мечтали остаться в Ириехаме, но лишь немногим удавалось побывать в городе хотя бы в качестве гостей. Простолюдинам же вовсе воспрещалось пересекать границу города и осквернять Ириехам своим присутствием. Маргир искренне ненавидел простых людей, потому что он считал их разносчиками болезней, скверны и неспособности к достойной жизни.

Герцог настолько ненавидел низкое происхождение, что в первый же день свое правления он издал главный указ:

Ногам, чьи стопы могут нести лишь грязь, воспрещается входить в город,

а тем заблудшим простолюдинам, которые осмелятся войти, камнем насмерть преподать урок.

В день издания указа и каждую последующую ночь в стенах замка проходили пиры, которым могли позавидовать ца-

ри, императоры и короли. Счастье в городе было долгим и завидным, но не настолько, чтобы обрадовать Маргира, мечтавшего о бессмертии и вечном правлении. Но однажды, в день рождения самого Герцога, был организован грандиозный праздник. В город съехались толпы гостей, короли и королевы, графы и графини, аристократы и дворяне, дети и внуки прославленных господ – все, кого хоть как-то коснулась милость Маргира. Веселью не было предела, отовсюду гремели песни, звенели бокалы, вино текло рекой, вода без конца обращалась в сокровища, невообразимые дары преподносили прямо к ногам правителя Ириехама, пока не зазвучал, висевший над главными воротами в город, золотой колокол, чей бой знаменовал непростительное – кто-то осмелится нарушить главный указ Герцога.

- Прошу вас, господ, за мной. Сегодня вы увидите, какое наказание ждёт тех, кто не чтит мои законы.

Шествовали гости за властителем города до площади, пока не остановились ошеломленными настоящим наплевательством на закон. К толпе гостей приближался оборванец в чёрных лохмотьях, покрывающих всё его тело, в том числе и лицо, который надёжно скрывал изорванный капюшон. Открытыми были только его руки и ступни, они были настолько отвратительны, что очевидцы быстро догадались – лохмотья прикрывали прокажённого, таких людей Герцог называл «существами, которые были отвратительнее любого попрошайки».

- Стой, не смей ступить дальше, - грозно приказал Маргир, но бродяга не повиновался.

Герцог рассвирепел, никто и никогда не смел так открыто осквернять землю Ириехама и уж тем более противиться приказа его правителя в присутствии гостей. Объятый гневом Герцог следом закричал:

- Схватить! Схватить этого преступника! Тому, кто привяжет оборванца к каменной колонне обещаю в дар одну из моих наложниц и рубин с голову в придачу.

Никто из гостей не желал отказываться от такого дара, и целая армия господ ринулась на прокажённого. Оборванец не стал сопротивляться и стоически сносил удары тех, кто в хмельном разгуле переступил грань человечности. После истязаний бродягу привязали к колонне, после чего гости начали расступаться перед Герцогом.

- Господа, этот незванный гость пренебрёг моим законом и оскорбил всех нас. Такой дерзости мы не потерпим! Я был терпелив к таким, как это «человеческое существо», но мне пора бы уже преподать суровый урок всем грязным ногам, что когда-либо посмеют ступить в мой город. Ириехам не место для них! Сегодня я выбираю жестокую кару, и не для услады моих глаз, а для того, чтобы разнести по всему миру беспрекословность моих указов. Я приговариваю оскорбившего Ириехам к смерти через сожжение заживо, с открытым от обносков лицом, чтобы вы воочию увидели страдания не уважившего мои законы куска плотской грязи.

Маргир приказал стоявшему рядом гостю снять с лица преступника капюшон. Это был один из дворян, который гордо выступил из толпы. Грубо сорвав капюшон, он издал истошный крик ужаса и свалился на землю, закрыв лицо руками. Толпа, охваченная чувством отвращения, отпрянула, а Герцог, с выражением неистового гнева, прорычал во всеуслышание:

- Сжечь эту тварь! Сжечь!

В миг были зажжены десятки факелов и брошены в обезображенного болезнью бродягу, но его стойкость была единственным, что не погибло в языках пламени, потому что он не удостоил Маргира даже вскриком от нестерпимой боли. Это немое зрелище ещё сильнее разгневало Герцога. Оттого он захотел, как можно скорее покинуть площадь, чтобы позабыть весь этот унижительный ужас, ведь он впервые встретил того, кто даже перед лицом смерти не испытал страха перед великим Герцогом Маргиром и сделал это на глазах у почтенной публики. Напоследок правитель Ириехама наказал своим придворным:

- Сжечь это чудовище дотла и смешать его прах с грязью за стенами города. Пусть огонь очистит мой город от принесённой в него нечистоты. Вы же, господа, за мной! Продолжим пир.

Герцог держался перед гостями достойно, но молчаливая смерть бродяги жестоко терзала его изнутри. Герцог настолько погрузился в тяжёлые думы, что даже не слышал пере-

судов гостей о том, насколько сильно их шокировала казнь и вид изуродованного болезнями бродяги. Так и пировали господа, не обращая внимания на затихшего правителя Ириехама, пока не раздался раскат грома и последовавший за ним шум начавшегося ливня. Казалось сами небеса отчего-то разъярились, потому что следующий удар молнии пришёлся прямо на замок, и он сотрясся. Гости объят сдавливающий страх, а Герцог, сохраняя хладнокровие, приказал всем немедленно покинуть замок. Люди в панике ринулись на улицу, боясь быть похороненными под обломками великого строения. Выйдя во двор Маргир увидел, как в шпиль ударила ещё одна молния, да с такой силой, что земля под ногами содрогнулась, словно от удара мифического великана. Герцог понимал, что замок мог обрушиться в любое мгновение, а его обломки непременно раздавили бы всех близстоящих людей. Тогда правитель Ириехама не нашёл идеи лучше, как приказать гостям вернуться к месту недавней казни, лишь бы быть подальше от будущего драгоценного кургана.

- Все за мной, идём на площадь! – проорал он изо всех сил, дабы перекричать разъярившиеся небеса и панические крики.

Толпа двинулась за правителем Ириехама и никто ещё не подозревал, что Герцог вёл всех в «чёрное небытие». Маргир стал первым, кто заметил разодранных в клочья подданных и то, что останки бродяги исчезли. Двигавшаяся позади толпа застыла на месте, и никто не произнёс ни слова, по-

ка внезапно землетрясение не заставило почву под ногами танцевать. Раздался оглушительный раскат грома, да такой сильный, что несколько людей пали замертво от внезапного ужаса. Выжившие тут же воззвали к своим богам и благодарили их за избежание смерти, но молившиеся не ведали, что умершие отделались лёгкой кровью.

- Смотрите! - прокричал потрясённый кошмарным видом Герцог.

Все в Ириехаме узрели, как в небесах разверзлась чёрная бездна, открывшая величественный и грозный лик огромного существа, самого настоящего Бога, далеко не похожего на тех божеств, каким возносили молитвы гости Ириехама.

- Проклинаю вас, недостойные жизни, - пронзительно прозвучал голос божества, заставивший залиться кровью уши слушателей – Я лишаю вас права на смерть и Чёрной Вуали. Станьте бессмертными рабами, какими вы не были сотворены, служите мне, станьте существами, в лике отвратительнее любого попрошайки.

Отчаянные вопли людей потонули в раскатах грома. Карающая длань божества, сомкнулась над городом и унесла Ириехам со всеми жителями в чёрное небытие, где не были властны ни боги, ни сама Смерть. Голоса страдающих не стихали, но в миг, когда чёрная бездна закрылась, наступила гробовая тишина. Вскоре тучи расступились и солнце озарило широкий и выжженный пустырь. От великого города осталась лишь каменная колонна, которая пылала огнём не

одну ночь. Она стала надгробием Ириехама и служила напоминанием о каре для тех, кто посмел бы взять на себя роль вершителя чужих судеб и оскорбить того, кто не терпел равенения с божественным – великого и рождённого в крике зарождения мира Бога всех бродяг и чёрной бездны, отца мироздания, древнейшего короля в чёрных лохмотьях. И носил этот чёрный король первое имя из всех имён - Делилакьен.

***

- Конец. - Я повернулся к Лавьен и увидел печаль на её лице. Неужели её так впечатлила сказка об Ириехаме? - Лавьен, что с тобой?

- Ничего, правда ничего. - Не поворачиваясь ответила она. - Просто... ты так хорошо рассказываешь, очень жуткая сказка. Чем она тебе понравилась?

Знала бы Лавьен, сколько раз я пытался ответить себе на этот вопрос. Вот только сейчас вопрос был совсем не уместным, потому что настоящая сказка умерла вместе с моим дедом и в моей памяти осталась лишь её невыразительная тень. Моё же толкование истории было лишено многого и прежде всего её первоначальной литературной красоты. Скорее всего в моей памяти сохранилось лишь то, что так сильно поразило меня в детстве.

- Ну, она напоминает мне о том, что мы всего лишь люди, каким был и сам Герцог, но он желал уподобиться богу, сам наделил себя правом карать людей неблагородного происхождения, а потому и поплатился за свои деяния. Мне ка-

жется, он заслужил кару Делилакьена из чёрной бездны, и я никогда бы не хотел оказаться на месте Маргира.

- Я тоже так подумала. Жуткая, но поучительная сказка.

Мне показалось, что Лавьен была чем-то обеспокоена, уж очень грустный у неё был тон.

- Я тебя чем-то расстроил? Почему ты не смотришь на меня? - Лавьен наконец повернулась, она почти плакала. - Что случилось? Я тебя чем-то обидел?

- Нет, нет, что ты. Просто... так не хочется уезжать.

Какое же облегчение я испытал после этих слов. Это были не беспокойство или обида, это горечь расставания. Знала бы Лавьен, насколько я разделял её чувства.

- Всего неделя, это ненадолго.

- Да, всего неделя... - почти шёпотом сказала Лавьен.

- Не расстраивайся. Лучше скажи, что мне сделать, чтобы ты почувствовала себя счастливой?

Лавьен накрыла своей нежной ладонью мою руку и ответила:

- Давай послушаем журчание воды, оно меня успокаивает.

Лавьен закрыла глаза и принялась слушать песню Карнэ, а я был счастлив наблюдать её такой. Сегодня сошлось многое; моё излюбленное место, полюбившаяся сказка и девушка, ответившая на мои чувства. Теперь я мечтал только об одном – хочу, чтобы время закрутилось в бесконечную петлю, дабы я мог раз за разом переживать этот кусочек жизни.

Я не знаю, сколько мы так простояли на мосту, и навер-

няка со стороны точно выглядели глупо, но мне было наплевать. Вскоре Лавьен попросила поделиться другими сказками из моего детства, но наше единение прервали.

- Мисс Нотиннес, – послышался голос кучера, остановившегося по другую сторону моста.

- Мне пора возвращаться, - с печалью в голосе сказала Лавьен.

- Я провожу.

Мы дошли до дилижанса, и я, как присуще джентльмену, открыл дверцу и помог Лавьен.

- До встречи, мисс Лавьен Нотиннес. Через неделю мы встретимся снова.

- Через неделю... Прощайте, Коул Мастерсон, этот день я не забуду никогда.

Лавьен выглянула из дилижанса, посмотрела в сторону кучера, который скрылся из виду, а затем совершила неожиданное - нежно поцеловала меня в щёку. Я приложил руку к щеке, не веря своему счастью, теперь я был уверен, она влюбилась в меня. Но счастье было недолгим, потому что Лавьен, закрыв за собой дверь дилижанса, заплакала, но всё равно продолжала улыбаться мне через дверное оконце. Эта улыбка ранила меня в самое сердце. Было больно наблюдать за тем, как скорый и вынужденный отъезд настолько довлел над моей возлюбленной. Но деваться было некуда, мы все ещё были под крыльями наших родителей и не стоило ждать нам свободы, по крайней мере пока.

Проводив удалявшийся экипаж взглядом, я остался один на один с гнетущим чувством одиночества. Образ плакавшей Лавьен не давал мне покоя, и я клятвенно пообещал себе при следующей встрече сделать ей достойный подарок.

Я медленно побрел домой и по дороге мой разум захватила мысль о подарке, только в голову ничего толкового не приходило, лишь одни банальности, лишённые особенности. Всё это было недостойно моей любви.

Взойдя на мост и дойдя до его середины, я посмотрел в сторону цветочного поля, потом в сторону колонны и в этот миг мой взгляд встретился со отражённым от могильного памятника Ириехама столь ярким лучом солнца, что в моих глазах тут же расцвела жгучая боль. В состоянии слепоты я приложил пальцы к обожжённым глазам и, развернувшись, запнулся о выступ и полетел лицом вниз, хорошенько ударившись головой о борт моста.

Пока я был в полубессознательном состоянии, мне казалось, что сама земля обрушилась на меня, в голове воцарился бардак, а глазах плыло, я почти не понимал, что со мной произошло, но мне каким-то чудом удавалось оставаться в сознании. Кто-то поспешил мне на помощь, поднял и усадил, и я почувствовал, как чья-то рука залезла в карман моего пиджака. Мне не удавалось разобрать слов, уши наполнял неприятный звон, но постепенно я начал приходить в себя. Внезапно я ощутил сначала холод, а затем жжение прямо над виском, мне приложили на рану что-то мокрое. Не знаю

сколько прошло времени, но помутнение в глазах и звон в ушах постепенно ушли. Наконец, я увидел столпившихся вокруг меня людей, каждый спрашивал, как я себя чувствую, но я ещё не совсем пришёл в себя, поэтому попросил помочь мне подняться.

Меня подхватили две пары мужских рук, и вот я оказался на ногах. Какая-то женщина не отходила от меня и продолжала прижимать что-то к ране на моей голове.

- Как вы себя чувствуете? - спросил стоящий передо мной мужчина с пышными усами.

Я приложил руку к голове, нечаянно коснувшись женской руки.

- Прижмите сильнее, - прозвучал женский голос.

Я не последовал совету и убрал руку от раны, в ней оказался зажат платок Лавьен, теперь уже не белый, а запачканный кровью, алый рисунок которой стремительно расцветал на мокрой ткани.

Через несколько минут я окончательно пришёл в себя. Внезапность случившегося потрясла меня больше, чем сам удар, да и крови было не так много, как показалось на первый взгляд, но всё тот же мужчина с усами наклонился и осмотрел место удара.

- Шишка будет, но рана не серьёзная, просто ссадина. Вам несказанно повезло. Как же вы так умудрились? Следует обработать рану, я могу проводить вас к доктору?

- Нет-нет, со мной всё в порядке, благодарю!

Толпа вокруг меня начала расходиться, последним ушёл позаботившийся обо мне джентльмен, пожелав напоследок удачи. Было приятно осознавать, что в нашем городе люди всё ещё беспокоятся друг о друге, будто бы помня о трагическом конце Ириехама и его жителей.

До дома мне пришлось идти пешком. Ни кучера, ни Эдду я не предупредил, когда закончится прогулка. Тем лучше, никто не будет понапрасну волноваться, да и Эдде будет спокойнее. Но с другой стороны, не потерять бы сознание по дороге, голова всё ещё немного кружилась и порой становилось дурно.

По пути домой я принялся приводить себя в порядок; поправил волосы так, чтобы прикрыть ссадину, оглядел и отряхнул костюм, который, к счастью, не сильно пострадал; думал в какой карман спрятать окровавленный платок, чтобы попытаться отстирать его позже, но он был всё ещё влажный, а потому я решил нести его в руке до самого дома.

Когда я закончил заниматься внешним видом, мою голову заняла одна мысль: «как же повезло, что Лавьен не увидела моего нелепого падения». Её и без того беспокоил недельный отъезд, а происшествием я мог лишь добавить ей переживаний. Ничего, упал и упал, с кем не бывает, надо бы отвлечься и пораскинуть мозгами над подарком для Лавьен. Так я и дошёл до поместья Мастерсонов без единой достойной идеи. Когда до главного входа оставалось несколько шагов, я спрятал подсохший платок в карман брюк.

Хотелось есть, но не стоило попадаться на глаза Эдде, она непременно заметила бы шишку и тогда точно начала бы сыпать вопросами и надоедать излишней заботой. Прислушавшись, я понял, как мне повезло. На кухне гремела посуда, значит помощницы Эдды за работой, а саму экономку не было слышно. Скорее всего она ушла на рынок.

Я тихонько прошёл до лестницы, стараясь двигаться как можно тише, осторожно преодолел скрипучие ступени и прокрался в свою комнату. Первым делом я спрятал платок в ящик стола, затем переоделся и сложил костюм на кресло, поближе к двери, чтобы у Эдды не было лишнего повода проходить вглубь комнаты. Войдя в ванную я со всей аккуратностью промыл рану. Шишка уже надулась и отзывалась болью на малейшее прикосновение, но благо она была еле заметна. В любом случае, я был благодарен судьбе за всё ещё целый череп. Осторожно причесавшись, я вернулся в комнату и лёг на кровать. Лёгкая головная боль донимала и раздражала, но жаловаться о ней я никому не намеревался.

В доме до сих пор было тихо, а значит, Эдда ещё не пришла. Я старался отвлечь себя размышлениями о подарке, но чем больше напрягал голову мыслями, тем сильнее сдавливало виски. Мне пришлось отбросить размышления, чтобы попытаться расслабиться и немного подремать. И мне это удалось.

***

Я очнулся посреди ночи, весь в поту. Мне снова приви-

делся сон о падении в бесцветном мире, но я почти ничего из него не запомнил, только концовку, в этот раз я упал не с неба, а повторил своё вчерашнее фееричное падение на мосту, и приземлился прямо у ног уже лишённой красок Лавьен.

В ту ночь меня обдувал влетающий через окно прохладный ветерок, а в доме правила полная тишина. Головная боль почти прошла, но куда приятнее оказалось ощущение снизошедшего на меня озарения «бесцветного мира». Повернув голову к окну, я увидел, как на фоне чёрного неба пролетела падающая звезда, в моём представлении она явила собой одобрителный знак от высших сил. Новорожденная идея подарка была потрясающая, потому в ней соединялись, как и любимое мне место, так и прекраснейший образ Лавьен. Теперь оставалось воплотить эту воображаемую красоту в жизнь. Я продолжал прокручивать в голове вид готового подарка и сделал это, наверное, с сотню раз, пока вновь не уснул. К моему благу, в этот раз обошлось без кошмаров.

***

Проснувшись, я сразу же проверил шишку, почти не заметна, но всё ещё отдавалась болью на прикосновение. Теперь я не сильно переживал о том, что её вдруг заметит Эдда, потому что я бы спокойно ей ответил: был неосторожен и ударился о дверь. Пока я приводил себя в порядок, ненароком заметил пустое кресло. Скорее всего Эдда заглянула ко мне рано утром и забрала костюм на чистку. Хорошо, что

додумался отряхнуться по дороге домой, иначе бы домоправительница не оставила бы меня в покое, пока не узнала где я умудрился так испачкаться.

Когда я подготовился к новому дню, то вспомнил, что нужно было сделать ещё пару важных вещей. Отправившись завтракать, я старался выискать Эдду, у меня была для неё новость о пустом желудке и одно поручение.

- Эдда!

Она вышла из кухни и сразу же кинула вопрос:

- Как погуляли, юный сэръ?

- Прекрасно, Эдда, просто прекрасно, - ответил я торопливо, стараясь быстрее перейти к важному. - Эдда, во-первых, я голоден, угостите меня своими вкусностями. Во-вторых, отправьте сегодня Альберта к Монро, пусть купит мне мольберт, холст размером с отцовский портрет в его кабинете, палитру, кисти, желательны разных размеров и плотности ворса, уголь для набросков, скипидар и набор масляных красок в стеклянных банках. Передайте Альберту, чтобы он ни в коем случае не соглашался покупать краску в бычьих пузырях, а то я знаю Монро, он точно попробует продать несколько. Запомнили?

- Вот это вы натараторили, сэръ. Сперва садитесь, - она указала на стул, обернулась в сторону кухни и крикнула, - завтрак мистеру Мастерсону! – Повернувшись обратно ко мне, она продолжила: – Погодите-ка, у нас же на чердаке был мольберт. Ну да, точно был. Там, наверное, и палитру можно

найти, но я не уверена.

- Откуда у нас взялся мольберт? Я впервые слышу, чтобы кто-то в этом доме рисовал.

Эдда махнула рукой.

- Да это, если мне не изменяет память, вашему деду подарили. Точно! Какой-то важный художник, некий мистер Уайльд... или Бальд... ай, не помню. Кто ж знал, что мольберт пригодится? А вот была ли палитра? Ей богу, не помню.

- Надо будет проверить. Тогда передай Альберту, чтобы мольберт перенесли в мою комнату и поставили рядом со столом. Затем сразу же отправь его к Монро. Пусть всё же купит палитру, даже если найдётся старая, лишней точно не будет. Нужно управиться до обеда. Вы всё запомнили?

- Мольберт в комнате у стола, большой холст, кисти всякие-разные, масляные краски только в банка, не в бычьих пузырях, до обеда, да, я всё запомнила. Память у вашей старушки Эдды ещё крепкая.

- Да какая же вы старушка? Вам до старушки ещё далеко. Эдда смутилась и потрепала меня по голове.

- Какой же вы...

- Ай, - вскрикнул я, отдёргнув голову.

Эдда взволнованно посмотрела на меня и подошла ближе.

- Что это? Ох, где вы такую шишку набили?

- Ничего серьёзного, случайно стукнулся о дверь.

- Какой же вы... сэр, неосторожный. Может позвать доктора?

- Нет, не надо. Я бы поел и занялся делами.

Эдда раздосадовано ахнула и побежала на кухню, повторяя:

- Они там даже не пошевеливаются, я им сейчас устрою, ох устрою!

Вскоре я вкусно поел. Эдда быстренько раздала поручения прислуге, в том числе Альберту, и вернулась ко мне, чтобы осыпать новыми вопросами:

«Как погуляли? Вы были вежливы с юной леди? Как же вы так стукнулись? Небось опять ходили в потёмках? Зачем вам мольберт? Что вы хотите нарисовать? Это для юной мисс?».

Вопросов было слишком много, и я почувствовал, как головная боль постепенно начала возвращаться. На некоторые вопросы я дал сухие ответы, а вот по поводу рождения тяги к живописи ответил искренне.

- Эдда, я хочу подготовить сюрприз для Лавьен. Она уехала на неделю вместе с матерью, хочу успеть к её приезду. Думаешь, ей понравится такой подарок?

- Смотря, что будете рисовать. Вы, когда были маленьким, часто рисовали, и у вас хорошо получалось. Странно, что вы потеряли к этому интерес. Вы же не задумали изобразить что-то недостойное вашей фамилии?

- Конечно нет, и в мыслях такого не было.

Я понимал, что на самом деле имела в виду Эдда. Она знала, я был из тех, кто чересчур пользовался наивностью девушек, но всё это было до появления в моей жизни Лавьен,

и поэтому винить Эдду за её вопрос я никак не мог.

- Как же я рада слышать от вас такие слова. Сэр, а что же вы всё-таки хотите нарисовать?

Я пока имел лишь расплывчатое представление о картине. Конечно, мост над Карнэ был идеальным местом, чтобы увековечить его на полотне, но ещё мне требовалось передать через рисунок не только лишь тягу к этому месту, но и свои чувства к Лавьен. Для этого я планировал вернуться на мост и отыскать там вдохновение.

- Пусть это будет сюрприз для всех.

- Хорошо, – с досадой ответила Эдда.

- Обещаю, когда картина будет готова, моя Эдда увидит её первой.

- Какой же вы, учтивый, юный сэр. Буду ждать с нетерпением. Пойду я, надо ещё ваш костюм вычистить. Свежий уже висит в гардеробной.

- Спасибо, Эдда!

Через три часа я уже подходил к мосту. Головная боль все ещё напоминала о себе и оказалась весьма не кстати, особенно в моменты поиска вдохновения. Я постарался отвлечься и решил подыскать хороший вид на мост, поэтому сошёл с каменной дорожки, чтобы обойти и рассмотреть любимое место со стороны. Пришлось по несколько раз ходить взад-вперёд, продвигаясь при этом правее от моста, но найти нужный ракурс оказалось не так просто. Я уже практически дошёл до берега реки, как вдруг остановился, потому что открыв-

шийся передо мною пейзаж наконец-то привлёк мой требовательный взгляд.

Казалось, из-за моста поднималась цветочная волна, а над ней высились зелёные холмы, дополнявшие и без того красочный пейзаж, но так картина получалась неполной – не было видно Карнэ и колонны Ириехама. Я поднялся повыше, чтобы река попала на пейзаж и украсила его игрой света и красок. Но как ни крути, в центре пейзажа должен быть мост, на котором мы с Лавьен впервые остались вдвоём и положили начало нашей совместной любовной истории.

Внезапно мне представилась грубая каменная кладка моста в нижней части холста. Вот оно, точно! Я поспешил к мосту и, добравшись до его середины, старался найти ту самую точку, откуда был виден кусочек подходящего для картины сказочного мира, что грезился мне. Нет, слишком далеко. Ближе. Всё равно не годится. Подойдя к парапету и присев, мне наконец-то удалось найти идеальный пейзаж для картины.

Шаг назад, шаг в сторону - уже не то. Вернулся на место, вновь присел и присмотрелся – всё-таки это лучшее место. Здесь наши с Лавьен руки соприкоснулись и наши души объединились, мы согрели друг друга теплом заботы и любви, это ли не лучшее, что я мог бы изобразить на картине? Теперь я чётко видел в воображении нижнюю часть будущего рисунка, каменный парапет моста и две ладони на нём, моя и Лавьен, в центре я вообразил стоявшую посреди цветоч-

ных полей и тянущуюся к небесам колонну Ириехама. Да, в фантазии картина представлялась мне настоящим произведением чувственного искусства.

Осмотревшись, я задумался о том, какое время дня подошло бы пейзажу больше всего? Конечно, мы встречались в солнечный день, но Лавьен ещё не была здесь в вечерние часы, поэтому она не могла видеть, как огненно-красный закат плавно перетекает в тёмно-синие цвета ночи. Ну конечно! Будет лучше, если я изображу этот природный перелив прямо на картине; слева солнечный и насыщенный красками день, в центре закатный переход из ярких красного и оранжевого оттенков, на фоне которых бы оказался верх ириехамской колонны, и справа царство ночи со звёздным небосводом и луной, чей блеск серебрил бы цветочные поля и воды Карнэ. Да, именно так я и сделаю!

Рисовка цветочных полей не составила бы проблем, впрочем, как и Карнэ, я помнил их в малейших деталях, но всё же стоило осмотреть будущий пейзаж ещё раз, чтобы точно не упустить ни единой детали. Я упёрся руками о парапет и устремил взор на пылавшие красками цветы, затем я перевёл взгляд вниз, на воду, и сразу же об этом пожалел. Блеснувший в потоке воды свет скользнул по глазам, заставив меня зажмуриться. Отвернувшись, я принялся тереть глаза руками, в попытке поскорее унять неприятное жгучее ощущение в них, но то было лишь мелочью, по сравнению с вернувшейся головной болью. Виски напряглись так, словно их сдави-

ло тисками, из-за чего во мне проснулось раздражение, даже злоба. Я был готов браниться на всех и вся, настолько сильно меня выбила из колеи вернувшаяся головная боль. Мне срочно нужно было чем-то себя занять, отвлечься от надоедливых мук, я не мог поддаться слабости и упустить для своего подарка любую мелочь, что могла бы сделать пейзаж ещё прекрасней. Взяв себя в руки, я попытался игнорировать боль, обращая внимание на игру красок цветочного поля и лазурного неба с белейшими и пышными облаками. Не помогло! Боль все ещё терзала виски. Я побрёл по мосту, желая поскорей добраться до берега и на всякий случай взглянуть на пейзаж под другим углом. Пока шёл, совсем растерял всё внимание, и, как оказалось, в самый неподходящий момент.

Сделав ещё несколько шагов, я дёрнулся от испуга. На долю секунды мне показалось, будто бы на меня кинулось нечто грязное и отвратительное, самое настоящее противояснественное миру нечто, которое схватило моё запястье. Резко обернувшись, я увидел бездомного, укутанного в грязные чёрные обноски. Мне сделалось дурно, вид этого человека, перепугавшего меня до полусмерти, был крайне омерзителен.

Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.